

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-144-148

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ПРОЛИФЕРАЦИИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Ткаченко Роман Вячеславович, кандидат философских наук, доцент
Севастопольский государственный университет
Российская Федерация, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33
E-mail: tkachenko.rv5150@mail.ru

Анализируются отдельные методологические аспекты философии Пола Фейерабенда. Рассматривается проблема изменения статуса научного знания в концепции эпистемологического анархизма в соотношении с изменением научного парадигмата. Утверждается, что в рамках постмодернистской парадигмы проблема научного знания неизбежно коррелирует с проблемой языка как средства объективации знания. Отсутствие метанарратива как легитимирующего основания научного знания и переход от концепции «больших рассказов» к паралогическому пространству многообразных смысловых игр неизбежно порождает методологические изменения в научной сфере. Так, множественность теорий, вызываемая принципом пролиферации, выступает в качестве продуктивной среды для разработки новых концепций. Кроме того, пространство многочисленных конкурирующих теорий позволяет проверить жизнеспособность и аргументированность тех или иных теоретических конструктов. Следовательно, формирование принципа пролиферации в философии Фейерабенда, с одной стороны, позволяет преодолеть бинарные оппозиции, свойственные классической науке, с другой – с неизбежностью поднимает вопрос о критериях научности в постмодернистской эпистемологии.

Ключевые слова: парадигма, научная революция, эпистемология, сциентизм, постпозитивизм, конвенционализм, постмодернизм, пролиферация, трансгрессия, «языковые игры», верификация

THE PRINCIPLE OF PROLIFERATION AND ITS PLACE IN POSTMODERN EPISTEMOLOGY

Tkachenko Roman V., Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor
Sevastopol State University
33 Universitetskaya Str., Sevastopol, 299053, Russian Federation
E-mail: tkachenko.rv5150@mail.ru

The paper breaks down certain methodological aspects of the philosophy of Paul Feyerabend as well as focusing upon the problem of how the status of scientific knowledge has changed within the concept of epistemological anarchism in relation to changes in the scientific paradigm. It has been postulated that in the framework of the postmodern paradigm the problem of scientific knowledge is inevitably linked to the problem of language as a means of the objectification of knowledge. The missing metanarrative as a legal foundation for scientific knowledge and the transition from the concept of 'broad narratives' to a paralogical scope of complex semantic games are an immediate cause of changes in scientific methodology. Therefore, numerous theories, which are conceived by the principle of proliferation, stimulate the development of brand new concepts. Besides, the constellation of many a rivaling theory enables to scrutinize the feasibility and justifiability of particular theoretical constructs. As a consequence, the principle of proliferation espoused by the philosophy of Feyerabend is both a way to bypass binary oppositions associated with classical philosophy and an unavoidable challenge as far as the criteria of the scientific value of postmodern epistemology are concerned.

Keywords: paradigm, scientific revolution, epistemology, scientism, post-positivism, conventionalism, postmodernism, proliferation, transgression, 'language games', verification

Парадигмальные изменения в философии повлекли за собой переосмысление статуса научного знания. Знаковой работой, в этом смысле, выступил труд Пола Фейерабенда «Против метода», увидевший свет в 1975 году. Значение данной работы заключается в том,

что она позиционируется в качестве своеобразной итоговой черты, суммирующей многовековое развитие рационалистической эпистемологии, базировавшейся на строгой логике и математическом естествознании. Фейерабенд не только пытается проанализировать достоинства и недостатки подходов к интерпретации роли науки, предложенных постпозитивистами (К. Поппером, Т. Куном, И. Лакатосом), но и подвергает критике претензии науки на глобальную роль в современном мире. В целом своеобразный эпистемологический анархизм, позиции которого отстаивает Фейерабенд, вполне укладывается в контекст смысловой дисперсии постмодернистской парадигмы. На этой особенности постмодерна, которая и послужила продуктивной средой для построений Фейерабенда, хотелось бы остановиться поподробнее.

В работе «Состояние постмодерна» (1979) один из крупнейших метров новейшей философии Жан-Франсуа Лиотар сделал попытку исследовать конструкцию любого знания, отталкиваясь от витгенштейновской концепции языковых игр. Смысловую направленность различных аспектов языковых игр Лиотар связывал прежде всего с модальностью высказываний. «Структура языковой игры диктуется соотношением денотативных, перформативных и прескриптивных высказываний» [3, с. 30]. Данные типы высказываний соотносятся с собственным референтом, получателем и отправителем информации. Например, те же денотативные высказывания сосредотачиваются на констатации каких-либо фактов. Перформативные высказывания содержат в себе отчёт об исполнении некоторого действия. Прескриптивные же высказывания предписывают получателю информации выполнить определённое действие.

Сравнительный анализ метанарративного и строго научного знания может выявить ряд характерных особенностей данных смысловых конструкций. Так, метанарративное знание может быть воспринято рассказчиком и слушателем в качестве легитимной конструкции, в случае если они оба являются носителями одной и той же герменевтической традиции и принадлежат к одной и той же культуре. Помимо этого, в метанарративной конструкции денотативные, перформативные и прескриптивные высказывания образуют некое смысловое единство, находятся в неразделимой взаимосвязи. Исходя из этой особенности, статус метанарративного знания выступает в качестве чего-то естественного, не требующего дополнительных объяснений и доказательств. Ярким примером тут могут выступить не требующие рационального подтверждения религиозные или мифологические конструкции.

Если же обратиться к анализу научной концепции, то в данной сфере явно доминируют денотативные высказывания. Перформативность же, как и прескрипция, находится в тени. Однако именно эти виды высказываний и выступают побудителями к действиям, формируют своеобразную социальную динамическую связь. Следовательно, по Лиотару, современная наука фокусирует своё внимание исключительно на описательной функции, игнорируя проблемы социальной прагматики.

К концу XX в. вопрос о легитимности научного знания приобрёл особо острый характер в связи с постоянным ростом новых конкурирующих между собой идей и теорий и, соответственно, в связи с возрастающей множественностью возникших смысловых полей. Тенденции к формированию единого универсального языка науки были элиминированы, и изменился характер контроля над дискурсами. Классическая бинарность «истинно – ложно», сформированная в формальной логике, была заменена на «эффективно – неэффективно» либо на прагматическую «прибыльно – неприбыльно». Следовательно, легитимация науки свелась к строго операциональному фактору.

В качестве характерной особенности постмодерна Лиотар также выделяет паралогию как обращение к агностике многообразия языковых игр. В данном случае можно наблюдать своеобразную смысловую дисперсию: метанарратив как единый большой рассказ заменяется множеством мелких языковых игр. Именно эта особенность постмодерна и выступает в качестве продуктивной среды для принципа пролиферации в эпистемологическом анархизме Фейерабенда. Согласно данному принципу, для развития науки необходимо изобретать и разрабатывать новые теории и концепции, которые изначально выступают как абсолютно несовместимые с уже существующими и апробированными. Фейерабенд при аргументации подобного

положения обращается к истории выдвижения научных теорий. Действительно, теории, выступившие как революционные в истории науки, в значительной степени (а иногда – и практически полностью) расходились с уже существующими концепциями. Например Галилей при помощи экспериментального подхода опроверг доминировавшую несколько веков умозрительную метафизику Аристотеля и заложил фундамент классической механики. «Развитие современной науки, заявившее о себе устами Галилея, его вольное обращение с понятиями, его “неэмпирические” процедуры нарушали профессиональную идеологию аристотелианцев и были для них примером начинающего вырождения» [5, с. 208].

Позже Исаак Ньютон в своей научной работе отверг снижавший популярность в конце XVII в. картезианский подход, предписывающий при построении научных теорий с помощью «проницательности ума» отыскивать метафизические первопричины исследуемых явлений и практически полностью отказался от укоренившихся представлений о том, что законы движения Земли и иных небесных тел абсолютно различны. Разработки Альберта Эйнштейна привели к полной ревизии интерпретации сущности пространства и времени и формированию новой теории гравитации. Следовательно, практически все революционные научные теории трансgressируют за пределы устоявшихся концепций и открывают новые горизонты для развития науки.

Конечно, ошибочно было бы думать, что подобные нестандартные воззрения сразу же воспринимались научным сообществом. Например, тот же Эйнштейн, несмотря на явную прогрессивность своей научной позиции, на начальном этапе подверг критике теорию расширяющейся Вселенной Александра Фридмана. В целом, согласно позиции постпозитивистов, для мира науки характерен консерватизм и определённый скепсис.

В качестве средства защиты устоявшегося парадигмата возможно активное апеллирование к «здравому научному смыслу», уважению к устоявшейся вековой научной традиции и возврату к истокам истинной науки. К сожалению, критика научных теорий и их авторов иногда может носить и довольно трагичный оттенок (достаточно вспомнить судьбу Вильгельма Райха и его исследований).

В целом консервативная позиция научных кругов не является иррациональной, так как она не противоречит установленным стандартам. Подобная позиция – итог коллективной политики, инспирированной данными стандартами. В этом случае для исследователя в качестве основного критерия истинности выступает конвенционализм.

Рассматривая конвенционализм в качестве критерия истинности, необходимо отметить его как преимущества, так и недостатки. Так, в конвенционализме допускается возможность создания системы классификации, связывающей факты в единое целое. «Сторонник конвенционализма считает, что следует как можно дольше сохранять в неприкосновенности центр такой системы классификации: когда вторжение аномалий создаёт трудности, надо просто изменить или усложнить её периферийные участки» [2, с. 208].

Однако анализируя построение научных теорий, необходимо принять во внимание, что любая теория не является абсолютно автономной и замкнутой на самой себе. Из теоремы о неполноте Курта Гёделя следует, что любая аксиоматизируемая теория является либо противоречивой, либо неполной. Неполнота объясняется тем, что наличие высказываний, включенных в теорию, невозможно ни доказать, ни опровергнуть, исходя из аксиом самой теории. Данное утверждение так же активно используется в штудиях Фейерабенда для подтверждения истинности метода пролиферации.

Другим фундаментальным принципом в эпистемологическом анархизме Фейерабенда выступает принцип несоизмеримости. Операционально данный принцип выступает в качестве защитного средства какой-либо концепции от внешней критики со стороны иных концепций и теорий.

Согласно позиции Фейерабенда, любая теория формирует собственное смысловое поле, собственные факты и собственный способ их интерпретации. Стоит отметить, что Фейерабенд не был первым в подобных рассуждениях о несоизмеримости. Так, в «Структуре научных

революций» Томас Кун указывал: «Если два человека расходятся в оценке относительной результативности их теорий или если они соглашаются в этом, но по-разному оценивают эту относительную результативность и, скажем, пределы возможного выбора теории, то ни одного из них нельзя обвинить в ошибке или ненаучности» [1, с. 299]. Однако Фейерабенд в своих гносеологических построениях становится на более радикальные позиции.

«Мы не можем указать на несовместимость фантазии с фундаментальными принципами естествознания или с признанными научными теориями, так как автору этой фантазии эти принципы и теории могут казаться просто бессмысленными» [5, с. 9].

Следовательно, совмещение принципа пролиферации с принципом несоизмеримости теорий выступает в качестве фундамента эпистемологического анархизма: субъект имеет права выдвигать собственную концепцию, которую (согласно воззрениям Фейерабенда) не имеет смысла сопоставлять с иными концепциями, так как основания для корректного и обоснованного сопоставления не существует.

Для аргументации принципа несоизмеримости Фейерабенд активно использует положения теории лингвистической относительности, разработанной в 30-х гг. XX в. американскими лингвистами Эдвардом Сепиром и Бенджамин Уорфом. Теория Сепира – Уорфа основывается на том положении, что люди, говорящие на разных языках, не только по-разному отражают мир на лингвистическом уровне, но и по-разному мыслят. Следовательно, в контексте данной теории не реальность определяет язык, с помощью которого её описывают, а наоборот, само восприятие реальности опосредуется при помощи языка. Например, восприятие и интерпретация таких онтологических категорий, как пространство и время, зависит в первую очередь от языка субъекта. Так, из лингвистических особенностей европейских языков (так называемый «среднеевропейский стандарт») проистекают не только базовые аспекты европейской культуры, связанные с эстетическими или этическими категориями, но и наиболее значимые достижения западной науки (картины мира, нашедшие отражение в научных концепциях).

Автор «Против метода» трактует теорию Сепира – Уорфа с позиций, согласующихся как с принципом пролиферации, так и с принципом несоизмеримости. Любая научная теория, по Фейерабенду, – это не только система идей, принципов и аргументов, но и особое смысловое (и языковое) поле, обладающее собственными терминами, кодами и системой их интерпретации. Два исследователя, принадлежащие к различным научным школам, в своей практике пользуются различными научными языками. Именно язык детерминирует их мышление, понимание картины мира и истолкование тех или иных терминов. Следовательно, различные языки выступают не только семантическим и семиотическим средством для упорядочивания каких-либо фактов, но и формируют само восприятие этих фактов. Согласно принципу лингвистической относительности, субъекты, использующие различные лингвистические системы, по-разному оценивают факты при наблюдении и эксперименте, и именно поэтому, приходя к различным выводам, не являются абсолютно эквивалентными наблюдателями. Таким образом, одни и те же эксперименты и свидетельства не приводят субъектов к универсальной картине мира за исключением тех моментов, когда лингвистические основания их интерпретации в какой-либо мере схожи. Исходя из этого, можно утверждать, что трансгрессирующие позиции находятся в совершенно ином смысловом и языковом поле, чем те, что существуют в рамках устоявшихся парадигм (в границах «нормальной» науки). «Вместо того, чтобы заниматься поисками причин некоторого “стиля”, мы должны постараться обнаружить его элементы и выявить лежащее в его основе мировоззрение, включая понимание того способа, которым это мировоззрение влияет на восприятие, мышление и аргументацию» [5, с. 234].

С другой стороны, концептуальное изменение науки вызывает необходимость своеобразной переоценки средств выражения. Предполагается возможность формирования нового мировоззрения и, следовательно, нового языка как способа его выражения. Справедливости ради, надо отметить, что подобный подход проявляется ещё в работах неопозитивистов с их намерением создать абсолютно точный научный язык, основанный на учёте модальных изменений. Терминология нового языка обретает ясность после того, как каждый отдельный элемент (слово) становится смысловым центром многочисленных коммуникаций и начинает

выступать в качестве логического связующего звена. Следовательно, прояснять ясность аргументов и точек зрения возможно двумя способами: либо путём обращения к устоявшимся смысловым конструкциям (парадигмам), либо через поиск абсолютно новых языковых (и смысловых) форм. Согласно Фейерабенду, необходимо «учиться рассуждать с помощью необъяснимых терминов и использовать предложения, для которых ещё нет ясных правил употребления» [5, с. 262].

Стоит отметить, что позиция Фейерабенда не нашла однозначной оценки в силу своей явной антисциентистской направленности. Можно сказать, что «Фейерабенд довёл критические аргументы постпозитивистской критики до логического конца, что, с одной стороны, явилось мощным средством устаревших догм, но, с другой стороны, часто может привести к абсурду» [6, с. 213]. Естественно, наука не формируется только из одних демаркационных линий и фундаментальных непоколебимых теорий. В ней присутствуют и парадоксы, и теоретические допущения и моменты неопределённости. Однако несмотря на присутствие в науке неопределённости и точек смысловой сингулярности, данное не означает, что наука не подчиняется никаким законам и принципам.

Список литературы

1. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – Москва : АСТ, 2009. – 317 с.
2. Лакатос, И. Избранные произведения по философии и методологии науки / И. Лакатос. – Москва : Академический проект, 2008. – 475 с.
3. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – 160 с.
4. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – Москва : Прогресс, 1983. – 605 с.
5. Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд. – Москва : АСТ, 2007. – 413 с.
6. Философия науки / под ред. А. И. Липкина. – Москва : Эксмо, 2007. – 608 с.

References

1. Kuhn, T. *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow, AST Publ. House, 2009, 317 p.
2. Lakatos, I. *Selected Works on Philosophy and Methodology of Science*. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ. House, 2008, 475 p.
3. Lyotard, J. F. *The Postmodern Condition*. St. Petersburg, Aleteya Publ. House, 1998, 160 p.
4. Popper, K. *The Logic of Scientific Discovery*. Moscow, Progress Publ. House, 1983, 605 p.
5. Feyerabend, P. *Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge*. Moscow, AST Publ. House, 2007, 413 p.
6. Lipkin A.I. *Philosophy of Science*. Moscow, Eksmo Publ. House, 2007, 608 p.